

Н. Г. Устрялов

История царствования Петра Великого

<...> Никакой монастырь не мог быть скромнее и благочестивее царских теремов, где в глубоком уединении частью в молитве и посте, частью в занятиях рукоделием и в невинных забавах с сенными девушками, проводили дни благоверные царевны, дочери Михаила и Алексея. Никогда посторонний взор не проникал в их хоромы: только патриарх и ближние сродники царицы могли иметь к ним доступу. Самые врачи приглашались разве в случае тяжкого недуга, и не должны были видеть лица больной царевны. В церковь они выходили скрытыми переходами, и становились в таком месте, где были никем не зримы. Если же отправлялись в святые обители, вне дворца, для молитвы, или в окрестные дворцовые села, что случалось, впрочем, редко, то выезжали в колымагах и рыдванах, отовсюду закрытых, с завешанными тафтою стеклами. Не было при дворе на одного праздника или торжества, на которые являлись бы царевны. Только погребение отца или матери вызывало их из терема; они шли за гробом в непроницаемых покрывалах.¹ Народ знал их единственно по имени, возглашаемому в церквях при многолетию царскому дому, также по щедрым милостыням, которые они приказывали раздавать нищим.² Ни одна из них не испытала радостей любви, и все они умирали безбрачными, большею частью в летах преклонных. Выходить царевнам за подданных запрещал обычай; выдавать их за принцев иноземных мешали многие обстоятельства, в особенности различие вероисповедания, и после неудачного сватовства Валдемара графа Шлезвиг-Голштейнского на Ирине Михайловне, которой он, впрочем, и не видал, прожив в Москве полтора года,³ не было более предложений от женихов иноземных. Таким образом, отшельницы мира, с самого младенчества не доступные никаким надеждам или желанием, выходявшим из круга жизни повседневной, нисколько не знакомые с делами государственными и вовсе не способные давать им какое-либо направление, царевны никогда, ни в коем случае не являлись на поприще политическом, и менее всего можно было ожидать бури из их тихого терема. Вышло иначе.

¹ Котошихина о России, стр. 12, § 25; стр. 14, § 29, стр. 16.

² Ведомость расходов на царский дом 207 года в Российском магазине Туманского. l.421.

³ С 22 янв. 1644 до конца августа 1645. См. рассказ очевидца в Büsching'sMagazinfürdieneueHistorieundGeographie, X. 211 – 276.

После Феодора в царском семействе осталось десять царевен, две дочери царя Михаила: Анна и Татьяна, и семь дочерей царя Алексея, в том числе шесть от первого брака: Евдокия, Марфа, София, Екатерина, Мария, Феодосия, и одна от второго брака, Наталия. Анна и Татьяна достигали уже лет преклонных (первой было за 50, второй за 45), и думали только о спасении души: старшая действительно вскоре постриглась и скончалась инокинею под именем Анфиссы. Из дочерей царя Алексея от первого брака одни уже увядали, другие были в полном цвете лет и во всем блеске юности; но давно сироты были без отца, без матери, строгим обычаем осужденные на жизнь затворниц, они могли знать в другой лучшей жизни, украшенной радостями любви, только по сказкам своих нанюшек, могли иногда робко мечтать о прекрасных царевичах, между тем, имея пред глазами пример теток и сестер живых и усопших, едва ли надеялись на иную участь и безропотно покорялись судьбе, за исключением, однако ж, одной царевны Софии Алексеевны.

Вопреки общему мнению, не красавица собой, не стройная станом от излишней тучности, с лицом суровым, она казалась несколькими годами старше, чем была действительно, и в 25 лет смотрела пожилою женщиною. Грудь ее пылала властолюбием и сладострастием; в голове таились отважные замыслы; ей душно было в скромном тереме: ее пленяла завидная участь принцесс, живших на свободе, располагавших судьбою царств, и героинею ее воображения была **греческая царица Пульхерия**, которая, как гласили ей хронографы, взявши власть из слабых рук брата своего Феодосия, так долго и славно царствовала в Византии. София захотела быть Русскою Пульхериею.⁴

Бойкая на словах, хитрая, вкрадчивая, с смиренным благочестием на лице, с неукротимыми страстями в сердце, она умела более всех сестер своих заслужить любовь и доверенность Феодора, ежедневно бывала у него в Верху, не отходила от скорбного одра, когда брат страдал недугами, сама подавала ему лекарства и утешала его сладкими речами.⁵ Там она сблизилась с первыми, наиболее сильными вельможами, **любимцами царя**, с князем Василием Васильевичем Голицыным, с боярином Иваном Михайловичем Милославским, с князем Иваном Андреевичем Хованским, беседовала с ними о делах удивляла их и умом, и твердостью души, и по всей вероятности немало участвовала в последних государственных распоряжениях Феодора. Тем прочнее, тем крепче надеялась она утвердить свое влияние по кончине его, когда по всем расчетам должен был вступить на престол единоутробный брат ее Иоанн, и тем горестнее, тем досаднее было для нее

⁴ Матвеев в Собр. запис. Туманского. I. 120.

⁵ DelaNeuville, 152 – 155.

воцарение Петра, устранявшее ее от всякого участия в делах государственных. С растерзанною душою появилась она в Архангельском соборе в день погребения Феодора и успела обратить на себя общее внимание Москвы: не было ни одной сестры ее в церкви; она решилась притти без зова. Мало того: когда по внесении грабо в собор царица Наталия Кирилловна, отдав последнее лобзание усопшему, возвратилась вместе с сыном в царские палаты, София осталась до конца печального обряда.⁶ Народ с умилением смотрел на благочестивую любовь сестры, вовсе не подозревая, что в эти священные минуты пред алтарем Всевышнего она, быть может, не столько молилась о упокоении души усопшего брата, сколько обдумывала план, каким бы образом вырвать кормило правления из рук ненавистной мачехи.

София открылась в замысле своем человеку надежному, ближнему свойственнику, поседевшему в крамоле, боярину Ивану Михайловичу Милославскому. Он указал ей на стрельцов и дал совет возмутить уже мятежные толпы их против нового правительства, чтобы в кровавом бунте истребить фамилию Нарышкиных и ее приверженцев. Царевна согласилась. Составили список обреченных на убийство и условились в плане действий. Решено было разгласить в стрелецких слободах, что царь Феодор погиб от яда, что бояре при избрании ему преемника в угождение Нарышкиным обошли старшего царевича, что Нарышкины умышляют на жизнь его, на жизнь самого царя и хотят овладеть престолом. Милославский нашел людей, которые взялись содействовать замыслу<...>

Среди всеобщего ужаса двора и народа, когда каждый трепетал за собственную жизнь и не было никаких средств укротить разярненное войско на кровавую сцену бодро и смело выступила царевна София, сбросила маску и стала распоряжаться стрельцами. Ее, окруженную клеветами и неистовую толпою, видел датский резидент, приведенный во дворец для очной ставки с докторским сыном. Он слышал, как один из главных сообщников ее, князь Иван Андреевич Хованский, спрашивал стрельцов: изгнать ли из дворца царицу Наталию Кирилловну? И как отвечали они обычным криком: «любо! любо!» По выходе из дворца резидент едва не был поднят на копья и обязан спасением своей жизни единственно тому обстоятельству, что провожавшие его стрельцы сказали своей братье: «Не троньте его. Это посланник, приехавший говорить с царевною».

София уже не сомневалась в успехе замысла обвалить кормилом правления; но не хотела прекратить кровопролития, выжидая гибели нипболее ненавистного ей противника, старшего брата мачехи. Мольбы царицы спасли от смерти отца и младших

⁶ Выписка из Разрядного архива о погребении царя Феодора в Древн. Росс. Вивлиоф. XV. 283.

братьев: стрельцы удовольствовались удалением Кирилла Полуектовича от двора;⁷ дети его Лев, Мартемьян и Федор успели скрыться в первый день бунта в одежде слуг.⁸ Но головы Ивана Кирилловича стрельцы требовали неотступно, следуя, вероятно, внушения Софии, которая опасалась его смелости и решительности<...>

Между тем, как необузданное войско пировало в царских чертогах, клеветы Софии неутомимо действовали в слободах, внушая стрельцам, что Иоанн, болезненный и хилый, не может понести всей тягости правления, что ему необходим помощник и что нет никого способнее к тому царевны Софии. Стрельцы 29 мая изъявили боярам желание, чтобы «правительстао, ради юных лет обоих государей, вручить сестре их». Воля стрельцов была законом. Цари, царицы, патриарх и бояре обратились к царевне с просьбами принять на себя бремя правления. Она долго отказывалась, разумеется, притворно: наконец, склонилась на общее желание, вынужденное страхом: дозволила людям думным видеть свои пресветлые очи и докладывать себе о всех делах государственных; «для совершенного же во всем утверждения и постоянно крепости», повелела во всех указах имя свое писать с именами царей, не требуя, впрочем, на этот раз другого титула, кроме «великой государыни, благоверной царевны и великой княжны Софии Алексеевны».⁹

Царевна спешила изъяснить своим сообщникам торжественную признательность и оправдать себя в глазах России. Желованною грамотою за красною печатью от имени обоих царей 6 июня злодейства стрельцов были объявлены побиением *за дом Пресвятые Богородицы*, и в честь полкам надворной пехоты было велено на Красной площади близ Лобного места воздвигнуть каменный столп с прописанием мнимых преступлений несчастных жертв трехдневного бунта, при строжайшем воспрещении попрекать стрельцов изменниками и бунтовщиками (что, вероятно, от многих они уже и слышали). Кроме того, дарованы им разные льготы: прибавлено жалованье, ограничена служба в городах одним годом, назначены особые пушкарки в полках к огнестрельному снаряду, прощены разные недоимки, запрещено полновникам употреблять стрельцов в свои работы или наказывать их телесно без царского разрешения.¹⁰ Так достигла Софья своей цели!<...>

⁷ Relation и Медведев, лист 77, несправедливо пишут, что он был пострижен в Чудовом монастыре неволею. См. ниже, заговор Шакловитого.

⁸ Матвеев, стр. 171.

⁹ Созерцание Медведева, лист 84 на обороте. Доказательством, что София объявлена правительницею не вместе с возведением Иоанна на царство служат грамота 26 мая в Полн. Собр. Зак. II, № 921, и акт о совокупном восшествии обоих царей 29 мая (а не 26) там же № 920.

¹⁰ Жалованная грамота в созерцании Медведева, напеч. В Акт. Арх Эксп. IV, стр. 561.

В понятиях современников царица София обладала необыкновенным искусством в управлении государством: украшенная, по словам ее приерженцев, семью дарами духа, семью добродетелями: мудростью, целомудрием, правдолюбием, благочестием, щедростью, великодушием и чудным даром слова, она не уступала ни Семирамиде Вавилонской, Ни Елисавете Британской, Ни Пульхерии Греческой делами славы, гремевшими во все концы вселенной.¹¹ Не столь пышно изображают ее историки позднейшие: но почти все единогласно повторяют мысль Карамзина, что «по уму и свойствам души своей она достойна была назваться сестрою Петра Великого, и только без предельное властолюбие наложило на историка печальный долг быть ее обвинителем».¹²

В таком же смысле отзываются современники и потомки о великом государственно уме первого министра и наперсника царицы, друга сердца ее, князя Василия Васильевича Голицына. Знаменитый родом, умный, образованный, искусный в делах дипломатических, приветливый к иностранцам, он, по общему мнению, возвысил достоинство России в глазах всей Европы и решительно утвердил перевес ее над Польшею.

Дела и события того времени далеко не соответствуют столь высокому понятию о талантах Софии и ее советников в искусстве государственного управления. В актах, изданных в семилетнее господство ее, мы не находим ничего замечательного ни для общественного благоустройства, ни для развития промышленных сил народа, или для его образования, в роде тех узаконений, которыми ознаменован царствование Алексея Михайловича и Феодора Алексеевича, не говоря уже о том, что в них нет и тени дальновидной мудрости Петровой. Законодательство царицы Софии ограничивалось почти исключительно мерами к искоренению разных беспорядков, порожденных в России целым рядом смут, следствием ее властолюбия; таковы, например, распоряжения о возобновлении крепостных актов, истребленных в майский мятеж в Холопьем приказе;¹³ об исключении из стрелецкого войска беглых помещичьих людей, самовольно приверстанных стрельцами в их сословие;¹⁴ о возвращении законным владельцам холопей, взявших отпускные в смутное время, *за страхованием*, т.е. насилием и угрозами;¹⁵ о повсеместном сыске беглых крестьян, воспользовавшихся неурядицами;¹⁶ о строжайшем воспрещении рассеивать толки и повальные слова про бывшее смутное

¹¹ Отголоском современником был Медведев, во многих местах его Созерцания семь добродетелей царицы от исчислял в надписи к современному ее портрету.

¹² Сочинения Карамзина, изд. Смирдиным, т. I, стран. 570.

¹³ Указ 17 ноября 1682 г. в Полн. Собр. Закон. II, № 965.

¹⁴ Указ 8 февраля 1685 г. там же, № 991.

¹⁵ Указ 13 февраля 1685 г. там же, № 992.

¹⁶ Сыщиков наказ 2 марта 1685 г. там же, № 998.

время;¹⁷ о разборе и разсылке стрельцов, опасных мятежным духом, в дальние города;¹⁸ о возобновлении писцовых книг и всеобщем обмежевании государства по правилам, установленным еще при царе Михаиле.¹⁹

Были и другие распоряжения, клонившиеся к восстановлению порядка, ниспровергнутого мятежами, к обеспечению безопасности личной и права собственности. Не все, однако ж, достигали они желаемой цели; многие из так называемых Новоуказных статей признаны впоследствии несообразными с Уложением и отменены; а принятые царевною меры к искоренению главного зла, раскола, только содействовали к его усилению. После мятежа Никиты Пустосвята, повелено было: раскольников отыскивать во всем государстве и, по мере вины, одних предавать суду духовному, других суду градскому, как преступников государственных.²⁰ Года через два после того состоялись и указные статьи о расправе с ними:²¹ упорствующих в заблуждении предписано пытаться жестокими муками, чтобы выведать их учителей, и, если не отстанут от раскола, жечь в срубах, а пепел развеять: жечь в сруах велено и тех, которые перекрещивают младенцев или людей взрослых, именуя первое крещение неправым; наказание кнутом и ссылкой угрожало всякому, кто укрывал раскольников или, зная об них, не доносил. Таким образом воздвигнуто было гонение повсеместное. Оно принесло горькие плоды: изуверы ожесточились более прежнего; многочисленными вооруженными толпами нападали на монастыри, целые месяца отбивались от царских войск; наконец, доведенные до крайности, гибли в пламени зажженных ими церквей.²² Грустно читать подобные события, и тем виновнее кажутся тогдашние законодатели, что без всякого милосердия преследуя несчастные заблуждения ума и совести, сами они платили дань нелепым предрассудкам: гласные из них, первый оветник и наперсник царевны князь Голицын верил в волшебство и чародейство, и безумец Бунаков, вздумавший собирать землю там, где ступал князь, предан был истязаниям пытки за то, что он *вынимал княжой след*.²³

Не блистательнее была и внешняя политика.

¹⁷ Указ 21 мая 1685 г. там же, № 1014.

¹⁸ Доклад 30 декабря 1685 г. в Актах Археогр. Экспед. IV. № 280.

¹⁹ Писцовый наказ в апреле 1684 г. в Полн. Собр. Зак. II. № 1074.

²⁰ Царская грамота 14 ноября 1682 г. в Историч. Актах V. № 100.

²¹ От 7 апреля 1685, в Актах Археограф. Экспед. IV. № 284.

²² Дело о завладении поморскими раскольниками Палеостровским монастырем. 1687 – 1789. В Истор. Акт. V. № 151.

²³ Записки Желябужского, изд. Языкова, стр. 21.

Царь Федор Алексеевич оставил Россию своим преемникам в мире со всеми соседями, но далеко не в дружбе, при старых неудовольствиях, при взаимных притязаниях, равно упорных и неприязненных<...>

Обманывая государей и Россию мнимыми победами, Голицын хотел и по всей Европе распустить молву о блистательных успехах Крымского похода. С этой целью с берегов Самары он послал в Яворов к польскому королю полковника костромского солдатского полка Матвея Фливерк с известием о поражении всех татарских орд до полутора тысяч на полях Колончацких, о бегстве хана за Перекоп и о всеобщем ужасе татар<...>Истина скоро, однако ж, открылась. Справедливо раздраженный позором русского оружия Петр вступился за свои державные права и положил предел незаконному господству.

Последнее время владычества Софии ознаменовано невознаградивою утратою страны обширной, плодородной, чрезвычайно важной по своему положению в политическом и торговой смысле, необходимой для безопасности и благосостояния Восточной Сибири, одним словом утратою Даурии и других земель, покоренных мужеством Хабарова.²⁴ С 1684 года начались решительные неприязненные действия китайцев на берегах Амура; не взирая, однако ж, на все усилия их, наши удалыцы держались в Албазине, отстаивая честь русского оружия и право господства, приобретенное тридцатилетними трудами и победами. В то самое время, когда князь Голицын с стотысячною армиею и многочисленною артиллериею бесплодно блуждал по украинским степям, Албазинский воевода Толбузин, имея под ружьем не более 700 человек да три пушки, ратоборствовал против китайских войск, неоднократно в огромном числе приступавших к Албазину, не раз отбивал их с значительною потерей и запечатлел свой подвиг смертью героя: он пал на стенах Албазина, сраженный пушечным ядром. Место его заступил не менее доблестный полковник Бейтон. Китайцы не могли поколебать его ни лестью, ни оружием, и принуждены были снять осаду.

Тридцатилетняя война, веденная на берегах Амура, большею частью одними охочими людьми, горстью удалыцов, промышленников и казаков, при слабом содействии правительства, свидетельствовала, как легко было бы сладить с китайцаи и принудить их отказаться от всяких притязаний на Даурию, на которую они и права не имели; стоило только подкрепить албазинских витязей двумя, тремя полками солдатскими или стрелецкими, чтобы навсегда утвердить русское господство на берегах Амура, и какую

²⁴ Подробности см. в Müller'sSammlungRussischerGeschichte. 1758. II. 5 – 6.

огромную выгоду извлек бы весь Сибирский край из этого завоевания! Мало того, что естественная грань отделила бы наши владения от кочевых народов средней Азии: мы приобрели бы страну богатейшую в бокатой Сибири всеми произведениями природы; а что всего важнее, для тамошнего края открылся бы самый удобный путь торговых сношений величественною рекою, судоходною от истоков до устья, на пространстве нескольких тысяч верст.

Вместо войска, Софья отправила посольство с наказом кончить все распри с китайским правительством, во что бы то ни стало. Главою посольства был знаменитый впоследствии сподвижник Петра, но тогда еще неопытный в делах царедворец, стольник Федор Алексеевич Головин, возведенный при назначении великим послом в сан окольничего **с титулом наместника Брянского**<...> При открытии переговоров Головин предложил назначить границею между обоими государствами реку Амур, с тем, чтобы северный берег ее принадлежал России, южный Китаю. Китайские послы не хотели и слышать о том: требовали не только Албазина, но и Нерчинска, Селегинска и других мест до самого озера Байкала; на второй сезде они были несколько уступчивее и отказались от своих притязаний на Нерчинс и Селенгинск; но упорно настаивали на обладание обоими берегами Амура, ни под каким видом не соглашались дозволить русским иметь по ней судоходство, грозили разрывом, даже неприязненными действиями.

Испуганный угрозами, **обманутый езуитами**, которые весьма искусно вкрались в доверенность русских, Головин заключил в Нерчинске трактат, постановивший границею России каменный хребет, известный под именем Яблонного, от речки Горбицы до Охотского моря, и реку Аргунь от истоков ее до соединения с Шилкою. Полковник Бейтон получил повеление разорить Албазин до основания и со всеми жителями перейти в Нерчинск. Таким образом, София отказалась от всяких притязаний на берега Амура, находившиеся во власти России более 30 лет; мы лишились судоходной реки, которая по своему впадению в Восточный океан, могла бы дать иной вид и другое значение всему Сибирскому краю.

Нерчинский трактат был последним делом Софии; в то время, когда Головин подписывал его с китайскими полномочными, владычество ее приближалось к концу.